УДК 177 + 329(470) + 303.1 + 316.653(470.5)

А. В. Логинов
М. А. Устинова

КАК ИЗМЕРЯТЬ ЦЕННОСТИ? ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ АКТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ*

В статье представлены результаты исследования актуальной структуры политического сознания граждан современной России. Объектами контент-анализа стали программы политических партий накануне выборов в Государственную думу, а интервью и транскрибирование использованы при анализе аргументов участников «открытого микрофона» — открытой дискуссии о причинах и последствиях акции против строительства храма Св. Екатерины в Екатеринбурге (май 2019). Показано, что «социология градов» Болтански и Тевено в качестве методологической рамки исследования оказывается более чувствительной к контексту, в конечном итоге нормализуя образ «гибкого, ситуативно зависимого» политического сознания, тогда как контент-анализ программ партий, построенный на допущениях И. Валлерстайна о трех ведущих идеологиях современности, фиксирует отсутствие идеологической борьбы в форме конкуренции ценностных систем на классических политических площадках.

Ключевые слова: политические партии России, ценности, сознание, контент-анализ, сквер, храм, Екатеринбург, «социология градов», Болтански и Тевено.

Введение. 20 ноября 2019 г. представитель исследовательской команды проекта РФФИ и АНО ЭИСИ выступал на теоретическом семинаре, организованном Институтом философии Уральского отделения Российской академии наук в Екатеринбурге[1]. Ключевые тезисы доклада, спровоцировавшие дискуссию и подтолкнувшие участников семинара к обсуждению того, как и где сегодня существует «нормативное», ценностно нагруженное политическое сознание, можно свести к следующим:

Теоретическая рамка, описывающая уровни и формы общественного сознания, позволяет предположить, что идеология либо «отражает» интересы людей

* Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649.

[1] Подробнее см.: [7].

© Логинов А. В., Устинова М. А., 2019

(отражает, оформляет доминанты обыденного уровня социальной психологии), либо конструирует их, будучи подчинена интересам элит (например, в форме идеологических аппаратов государства у Л. Альтюссера).

Следовательно, вычислить ценностные предпочтения можно, если исследовать *сначала* программы политических партий, которые либо отразили, либо сконструировали ожидания большинства.

Если внятных результатов — в смысле иерархической системы ценностных предпочтений граждан — получить не удается, это может быть интерпретировано по-разному: во-первых, это может быть свидетельством того, что идеологическая борьба «ушла» с привычных, классических политических площадок и, возможно, сейчас идет где-то еще; во-вторых, это может быть свидетельством того, что сам метод анализа (контент-анализ, о котором мы неоднократно писали [4]) не способен ухватить суть «спора о ценностях» и исследователям следует изменить методологию. И наконец, это может быть аргументом в пользу того, что наши *базовые* допущения и ожидания неверны: мы ищем иерархию и политическую «верность» в мире, где люди обладают политическим сознанием с *другой* структурой.

Напомним логику и основные результаты наших предыдущих исследований. Мы вслед за И. Валлерстайном [2] предположили, что при всем многообразии ответвлений идеологические программы могут быть сведены к трем макро-идеологиям модерности — либерализму, консерватизму и социализму. Соотнеся ценности каждой из трех крупных идеологий со словами-индикаторами (10 ценностей, 230 слов-индикаторов), мы создали инструмент контент-анализа и последовательно применили его к программам политических партий РФ, претендовавших на места в Государственной думе в электоральных циклах 2011 и 2016 гг. Результаты контент-анализа программ политических партий РФ накануне выборов в Государственную думу в 2011 г. показали принципиально гибридный, миксовый характер каждой программы (рис. 1).

Рис. 1. Индикаторы идеологий в программах партий 2011 г.,
% от общего количества упоминаний

Если интерпретировать этот результат в терминологии М. Селиджера [8], то можно сделать вывод о массовом и довольно циничном принесении идеологической «чистоты» в жертву оперативной задаче выиграть выборы. Если интерпретировать результат в классификации политических партий [3], то можно констатировать, что большинство партий не являются партиями мобилизационного типа. Примечательно, впрочем, что обработка программ политических партий 2016 г. фиксирует как количественно наблюдаемое увеличение объемов «идеологических» текстов, так и тяготение к риторике либерализма (рис. 2).

Рис. 2. Индикаторы идеологий в программах партий 2016 г.,
% от общего количества упоминаний

Опять-таки, оставаясь в рамках изначальных теоретических допущений (о возможности классификации идеологий по ценностному ядру и о взаимном влиянии уровней общественного сознания), можно предположить, что либо мы имеем дело с молчаливым либеральным консенсусом (рефлексия политических процессов в России преимущественно оформлена за счет риторики либерализма) и надо выяснять, как такой договор был сформирован (подробнее об этой задаче см. [5]), либо, с учетом того что контент-анализ не всегда «видит» контекст, мы должны допустить существенную погрешность в обнаруженном объеме упоминаний либеральных ценностей, ведь о них можно было говорить *негативно*. В этом случае мы «возвращаемся» к более-менее сбалансированной представленности всех идеологий в программах партий. В любом случае то, что контент-анализ позволил схватить однозначно, это фиксация *отсутствия* идеологической борьбы на классической политической площадке. Политические партии РФ незначительно различаются в своих идеологических (ценностных) предпочтениях в том смысле, как они оформлены в программах. Возможно, борьба идет где-то еще? Возможно, программы вообще не являются достойным объектом анализа, в конце концов, многие ли читают программы партий?

Мы применили ту же методологию и матрицу индикаторов к публикациям в политических сообществах сетей, а именно к наиболее многочисленным (количество подписчиков), обновляемым в плане контента (в течение двух недель

до и двух недель после выборов в Госдуму 2016 г.) группам в «Живом журнале», Фейсбуке и Вконтакте. Результат коррелирует с программами партий (рис. 3).

Рис. 3. Индикаторы идеологий, % от общего количества упоминаний

Разумеется, анализ социальных сетей не является строго репрезентативным. Речь — только о тенденциях и риторике. Тем не менее напрашивается вывод о гибридном и несистемном характере ценностных установок современного человека (отраженного либо сконструированного идеологиями) [6, *220–243*]. Гибридность свидетельствует о смешении идеологических порядков в программах партий и в обыденном политическом сознании. Тезис о том, что общественное мнение непоследовательно и неустойчиво, подкрепляется утверждением, что в сознании большинства людей нет цельной системы убеждений, выражающих их интересы в публичном пространстве, нет ясного восприятия концептуально оформленных в идеологию идей. Что же тогда ожидать в плане борьбы и конфликтов от людей/партий, которые не имеют *принципиальных* убеждений? Принципов и иерархии ценностей нет, и это *плохо*.

Такой вывод, впрочем, будет считаться негативным только в тех научных парадигмах, которые исходят из предположения о том, что действия индивида обусловлены изначально закрепленным за ним набором ценностей, определяющим его идентичность и действия в обществе, то есть составляют его *природу*. Добродетельный в высоком смысле слова индивид в данном случае обладает последовательной и фиксированной идеологией, в то время как неопределенность или смешанный характер ценностных установок свидетельствует о его низкой политической культуре. Однако, руководствуясь в том числе и рекомендациями сотрудников ИФ УрО РАН о том, как следует оценить «негативный» результат первой части исследования, можно использовать принципиально другую установку: «реальную жизнь» невозможно описать с помощью заранее готовых классификаций, нужно идти от интерпретаций и оценок самих людей (особенно вступивших в политический конфликт) к выявлению и описанию всегда контекстуально зависимых, исторически и, позволим себе, пространственно-чувствительных оптик должного положения дел.

Методологические основания такого подхода мы обнаруживаем в «социологии градов» Л. Болтански и Л. Тевено. Болтански и Тевено отказываются закреплять тот или иной аксиологический набор за социальной группой в качестве ее сущностного определения. Каждый день перед людьми стоит необходимость обосновывать справедливость своих поступков. Для этого необходимо не только умение выносить моральные суждения, но и идентифицировать ситуации, в которых эти суждения производятся. Порой эти суждения носят непредсказуемый характер, что делает неприменимыми любые априорные классификации для анализа ценностей. В реальности люди действуют в условиях неопределенности, поэтому сконструированные социологами и философами объяснительные теории далеки от действительности.

Болтански и Тевено вписывают в ценностный порядок не людей, а окружающие их объекты, которые люди наделяют определенной ценностью: «Люди руководствуются принципами когерентности, которые присутствуют не только в них самих в виде ментальных схем, но и в диспозиции людей и вещей, составляющих их окружение, в расположении разного рода предварительно “слаженных” ансамблей» [1, *229*]. Объекты составляют различные миры, в которых люди могут себя реализовывать. Мир не закреплен за теми или иными социальными группами. Миры квалифицируются по сложным ансамблям объектов, которые люди используют для легитимации собственных убеждений в конфликтных ситуациях. Конфликт происходит при столкновении этих миров: «Присутствие различных миров в одном пространстве влечет за собой конфликтное напряжение, которое должно быть разрешено, чтобы ход действия мог продолжаться нормальным образом» [Там же, *332*]. В обосновании своей позиции не было бы необходимости, если бы люди не сталкивались с убеждениями, легитимированными объектами другого мира.

У каждого из миров есть свои нравственные идеалы, свое видение очевидности и естественного порядка вещей, а также способы его сохранения путем определенной логики аргументации. Такие миры в виде абстрактных и систематических построений сформулированы в различных философских концепциях политических философов различных эпох. Болтански и Тевено включают в свою аналитику ценностей труды Августина, Боссюэ, Гоббса, Руссо, Смита и Сен-Симона в качестве грамматик обоснования справедливости.

Таким образом, Болтански и Тевено осуществляют переход от социологического подхода, основанного на идее квалификации моральных установок по социальным параметрам (возраст, профессия, место проживания, образование и т. п.), к подходу, в котором учитывается неуловимость качеств и свойств людей. При окончательном закреплении определенных ценностей за людьми невозможно было бы осуществление согласия по какому-либо вопросу об общем благе между ними. Но тогда как люди приходят к согласию? Как члены сложного дифференцированного общества оспаривают позиции друг друга или приходят к консенсусу?

Ответ на данный вопрос Болтански и Тевено дают, предлагая собственную модель анализа способности людей на практике связывать моральную аргументацию с объектами соответствующего мира. Модель множественных миров

предполагает различные способы достижения согласия между людьми. Опора анализа на суждения, осуществляемые людьми, и их представления об условиях справедливого достижения согласия, из которых они исходят, составляет необходимое условие анализа ценностей, поскольку это требование накладывает ограничение на интерпретацию и объяснение социальных явлений.

Модель социологического анализа Л. Болтански и Л. Тевено изложена в их совместном труде «Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов» [1]. Так как ценности теперь не являются лишь сущностной характеристикой индивида, проблему гибридного характера ценностных установок следует пересмотреть с учетом модели множественных миров. Далее мы попытаемся подробнее рассмотреть данную модель анализа и попробуем применить ее для интерпретации дискуссии в рамках открытого микрофона для жителей Екатеринбурга, который был организован после акции протеста в сквере на Октябрьской площади в мае 2019 г.

Новая методология. Болтански и Тевено выдвигают ряд методологических ограничений. Приступая к исследованию, необходимо абстрагироваться от представления о том, что человеческими отношениями управляют некие внешние силы. Следует отказаться от критики аргументации людей, как если бы их оценочные суждения были продуктом навязываемой идеологии. Исследователь должен учитывать умение людей выносить свои суждения самостоятельно и разумно, а не интерпретировать суждения индивида в терминах власти и силы, подозревая детерминацию его мышления: «Принятие всерьез обоснований справедливости, осуществляемых людьми, и метафизик согласия, из которых они исходят, составляет необходимое условие строгой социальной науки, поскольку это требование (exigence) накладывает ограничение (contrainte) на интерпретацию и объяснение социальных явлений» [Там же, *512*]. Вместо того чтобы заранее занять благоразумную позицию и устанавливать классификации, нужно анализировать то, как сами люди формулируют порядки в реальной жизни.

Необходимо учитывать знания людей о собственных поступках и действиях, их умения правильно распознавать природу данной ситуации и выносить разумные суждения. Люди не просто проецируют собственные ценности вовне, а принимают во внимание множественность мнений и отсылают к тем принципам, которые считают надындивидуальными и универсальными, чтобы найти согласие друг с другом: «Высший общий принцип сдерживает разногласия в пределах допустимого, не допуская того, чтобы прения перешли в крайность и привели к оспариванию самого принципа согласия. <...> Разногласия по поводу присвоения того или иного состояния человеку находятся на более низком логическом уровне, чем соглашение (convention) по поводу этих состояний и связанных с ними благ» [Там же, *132*]. Для того чтобы понять ценности общества, необходимо анализировать суждения людей, направленные на обсуждение и критику несправедливости реальных ситуаций.

Материал для анализа трансформации ценностей общества у Болтански и Тевено открывается в реальных спорах, упорядоченных аргументацией

и предъявлением доказательств. Ситуации конфликта, когда различные ценности сталкиваются между собой и у конфликтующих сторон возникает необходимость аргументировать их значимость, являются объектом исследования. В данных ситуациях сами акторы ссылаются на собственные убеждения и принципы, упорядочивая социальный мир вокруг себя. Они сами отстраняют неубедительные доводы и случайные обстоятельства, выделяя то, что может иметь общее значение не только в конкретной ситуации, но и в связи с чем-то глобальным и надындивидуальным. Исследователи анализируют способность людей переходить от конфликта внутри единичной ситуации к обобщающим суждениям для его разрешения. Чтобы обосновать справедливость решения локального конфликта, людям нужно придать ему общее значение, которое бы обеспечивало его действенность и уместность в других ситуациях. При изучении обобщающих суждений у исследователя в итоге появляется возможность установить те принципы справедливости, те убеждения и ценности, которыми руководствуются люди.

Как происходит переход аргументационных суждений к уровню абстрактных ценностей от их реальной координации в конкретных обстоятельствах? Как трансформируются принципы, сталкиваясь с обстоятельствами? Как показать реализацию моральных убеждений на практике? Для ответа на вышеперечисленные вопросы исследователь должен сфокусировать свое внимание на имеющих прагматический характер требованиях акторов. Подобные требования определяют адекватность тех или иных фактов и предметов, которые используются в качестве доказательств. Чтобы умерить противоречия, люди оценивают релевантность вещей и лиц, вовлеченных в ситуацию: «...Поиск согласия приводит людей не только к учету обстоятельств, но и к возвышению над второстепенными обстоятельствами (contingences) и к определению релевантности вещей и лиц, вовлеченных в ситуацию, относительно одного общего принципа эквивалентности» [1, *205–206*]. Для решения общезначимых проблем они соизмеряют друг друга, представляют свои варианты справедливого распределения общего блага в обществе и выстраивают иерархии, указывая на требования легитимного порядка объектов.

Инструментом для распределения в иерархии являются не только идейные аргументы, но и различные предметы: «Общим между доказательством, обращенным к нашему чувству справедливости, и научным доказательством является то, что оба они опираются не только на ментальные состояния (такие, как убеждения или мнения), но и на некоторые достаточно стабильные диспозитивы, то есть наборы объектов, оцениваемых с позиций той или иной формы общего (evaluation generale)» [Там же, *38*]. Приписывание людям того или иного положения всегда может быть оспорено. Чтобы обеспечивать значимость аргумента, нужно отсылать к объектам внешнего мира, то есть использовать реальные факты в качестве доказательного ресурса. Под объектами внешнего мира понимаются самые разнообразные элементы ситуации — социальные институты, регламенты, эмоциональные переживания, авторитетные мнения, данные экспертиз, средства оплаты, народные приметы и т. д. В зависимости от соответствия или несоответствия ситуации объект наделяется большей или меньшей ценностью. Уместность

людей и вещей устанавливается в критике конфликтующих сторон. Чтобы прийти к согласию, спорящие должны отсеять менее значимые объекты и договориться о том, что важно для обеих сторон, то есть прийти к тому набору объектов, который будет приемлем для всех.

Различные наборы объектов образуют самодостаточные миры — взаимосвязанные объединения, которые в ситуации спора будут рассматриваться как достаточно эффективное доказательство. Объекты, приводимые в доказательство, «...образуют объединения, которые являются достаточно когерентными, чтобы их применение в ситуации спора рассматривалось как эффективное, чтобы ожидаемые процессы шли своим ходом и чтобы ситуации могли развиваться надлежащим образом...» [1, *80*]. В качестве опоры для суждения необходимо указать на нечто объективное, чтобы спор не длился бесконечно. Наборы объектов соответствуют тому или иному граду. Град строится из понимания того, что является общим благом, обладание которым в большей или меньшей степени распределяет по определенному принципу людей и объекты в иерархические отношения.

В повседневных спорах, как правило, люди не формулируют эти принципы. Они указывают на объекты, свойственные мирам, которые данным принципом руководствуются. Болтански и Тевено предлагают использовать концепции политических философов как уже сформулированные в абстрактной форме модели градов в качестве инструмента социологического анализа. В современном обществе люди используют принципы этих градов в различных ситуациях реальной жизни. Цель исследования в данном случае — проследить, как эти грамматики обоснования справедливости проявляют себя в процессе принятия общезначимых решений. Деятельность, направленная на поиск согласия между конфликтующими мирами, предусматривает не просто локальные конвенции, а построение нового порядка, нового гибридного града, который включал бы в себя наиболее ценные объекты из разных миров.

Для аналитики ценностей в ситуациях необходимо выделить ее элементы, которые меняются в зависимости от града: высший общий принцип, атрибуты величия, субъекты, перечень подтверждающих позицию субъекта объектов, способ выражения суждения, формы жертвы. Высший общий принцип обеспечивает соизмерение положений субъектов и объектов и является условием для определения соглашения между людьми. Модель града предполагает устройство определенного порядка, исходя из принципа одного общего блага. Атрибуты величия задают граду иерархичное измерение. Место в этой иерархии зависит от платы или жертвы, требуемой для его достижения.

В итоге Болтански и Тевено выделяют шесть градов, сформулированных на основе канонических текстов политических философов: град вдохновения (Августин), патриархальный (Боссюэ), град репутации (Гоббс), гражданский (Руссо), рыночный (А. Смит) и научно-технический (Сен-Симон). Кратко рассмотрим ключевые характеристики этих градов, чтобы приступить к аналитике реальных ситуаций.

Высший общий принцип в граде вдохновения — наивысший подъем чувств, порыв вдохновения, состояние высшего совершенства. Чувства не поддаются

измерению и унификации, поэтому атрибуты величия могут быть ориентированы на нечто уникальное, единичное и духовное. Субъекты этого града испытывают спонтанные состояния озарения, для чего эмоции, страсти и чувства являются объектом подтверждения. Творческие порывы субъекта дороже апелляции к здравому смыслу и обыденности. Для вдохновенной личности характерен поиск нового — новых встреч, новых приключений, новых эмоций. Необходимо жертвовать привычными практиками и подвергать сомнению материальные блага ради стремления к полету над всем мирским. Достоверностью суждения выступает очевидность интуиции: истина недоступна напрямую, ее можно познать только с помощью метафор, образов и символов.

В патриархальном граде на первый план выходят взаимоотношения людей, порядок устанавливается за счет обращения к роду и традиции. Величие субъектов определяется качеством связей с другими людьми. Отношения развиваются только в непосредственной близости. Хорошие знакомства возвышают человека, в то время как дурное окружение принижает его. Объекты величия включают в себя всевозможные титулы, ранги и регалии, знаки принадлежности и обычаи определенной группы. Атрибутами в этом случае являются хорошие манеры, хорошее воспитание, постоянство и покладистое поведение. В качестве жертвы выступает отказ от эгоистических побуждений и вспыльчивости; необходимо проявлять сдержанность и услужливость, чувствовать долг и ответственность, чтобы сохранить существующий порядок общественных отношений. Суждение об очевидном может выражаться в форме примера из жизни, повествующего об образцовом поведении уважаемого человека.

В граде репутации ценится не столько качество, сколько количество связей с другими людьми. Общий принцип для достижения согласия опирается на признание публики. Известность и популярность субъектов этого мира утверждается за счет объектов, влияющих на общественное мнение, — средства массовой информации выступают инструментом для коммуникации с большим количеством людей, а PR-кампании помогают обрести хорошую репутацию. В этом граде субъект жертвует правом на частную жизнь и скрытное поведение, которое может не понравиться публике. Чем большее влияние оказало суждение субъекта, там весомее оно в рамках данного града. Спорным мнением будет являться такое мнение, которое незаметно и неизвестно большинству.

В гражданском граде величие субъектов зависит от их принадлежностей к коллективу или от их способности выступать в качестве представителей определенного сообщества. Превосходство коллективных ценностей определяет высший общий принцип. Жертвуя частными интересами и стремлением к сиюминутной выгоде, субъект подчиняется общей воле. Атрибутами величия являются представительство, то есть способность выразить общее видение общезначимых проблем, солидаризироваться и достичь общего состояния, и законность действия, которое определяет его ценность. Очевидность суждения опирается на юридические нормы. Объектами поддержания величия являются всевозможные нормативные и законодательные акты, политические программы, правовые институты, а также политические акции и митинги. Субъектами в этом граде выступают

коллективные образования или граждане, которые их представляют: активисты, члены партий, профсоюзные организации и т. д. Суждение — осознание общей воли, которое может быть выражено в форме лозунга на протестной акции или в форме голоса за определенного кандидата на выборах.

Общим принципом, лежащим в основе координации рыночного града, является конкуренция. Для осуществления своих желаний люди заключают сделки между собой, выступая в разное время клиентами, продавцами или конкурентами. Субъектам, в равной степени движимым желаниями, соответствуют объекты — редкие блага, различные предметы роскоши, товары, которые можно обменять, и т. п. Чем большим состоянием владеет субъект, тем выше его положение в иерархии. Атрибут величия — богатство и успешность. В рыночных отношениях необходимо соблюдать отстраненность как по отношению к самому себе, так и по отношению к другим. Контроль собственных эмоций и фокус внимания на потребностях других для достижения каких-либо успехов — умение дистанцироваться. Дистанция предполагает, что качества людей, которые отличны от качеств продавца, никак не принимаются в расчет во время сделки. Деньги — мера всех вещей, а цена — мерило в конфликтах рыночного мира.

Эффективность, производительность и результативность являются общим принципом в научно-техническом граде. Отношения между субъектами этого мира определяются их профессиональными компетенциями. Эксперты, специалисты, профессионалы — наиболее ценные субъекты научно-технического мира. Статистика, методы, схемы, данные измерительных приборов, вычисления, планирование — объекты научно-технического мира. Суждения будут оправданы, если подтверждены объективно установленными данными, научными исследованиями, экспертизой. Инвестировать нужно в будущие проекты, так как прогресс является условием существования всех лиц и объектов в данном мире. Стабильность развития и рост будут являться атрибутами величия.

Используя методологию социологического анализа Болтански и Тевено, попробуем теперь определить те объекты, на которые опираются участники открытого микрофона для обоснования собственной позиции. Данные объекты могут принадлежать как одному миру, так и быть результатом слияния принципов нескольких миров, гибридом. В суждениях людей может присутствовать как критика других порядков и принципов, так и поддержка соединения нескольких миров для разрешения проблемных вопросов. Анализ критики и компромиссов в отношении единичного факта (кейса) поможет выйти на ценностный уровень.

Кейс. В ночь на 13 мая на Октябрьской площади в центре Екатеринбурга, рядом с Театром драмы, территорию сквера огородили забором. На этом месте к 300-летию города в 2023 г. совместными усилиями городских властей и епархии при поддержке крупнейших ресурсодобывающих предприятий планировали построить храм Святой Екатерины. Установка забора на данной площадке вылилась в масштабные протестные акции, которые продолжались неделю на территории сквера.

Спустя месяц, в воскресенье 16 июня, в Президентском центре Б. Ельцина проходил «Открытый микрофон», на котором участникам предлагалось осмыслить конфликт в сквере, поделиться собственной позицией, переживаниями и эмоциями, озвучить аргументы. Формат открытого микрофона предполагает возможность для каждого участника встречи поделиться собственной позицией без строгих формальных ограничений. Информация о проведении мероприятия была распространена в местных СМИ, любой желающий мог выступить в качестве спикера или задать вопросы другим участникам. В ходе выступлений и мини-дискуссий участники успели обсудить как частные, так и общие проблемы. Далее предлагаем рассмотреть суждения участников подробнее.

Первый спикер, представляясь, сразу определил свой социальный статус и специфику своего взгляда на конфликт: «Я являюсь студентом юридического университета. <...> Я могу смотреть на эту ситуацию с точки зрения *правового поля*». Ситуацию он определил как *прецедент* и сделал акцент на специфике *населения как источника власти*. Проблемой, по мнению спикера, является в целом пассивное отношение людей к изменениям. При этом спикер критикует некоторые действия протестующих за их излишнюю эмоциональность и стихийность: «Высказывание недовольства и какой-то позиции *не должно перерастать в какую-то агрессивную акцию*. <...> Разрушение забора — безусловно, это неправильно, это *неправомерно*. <...> *Не было какой-то организованности*, и поэтому люди творили, что хотели». В данном случае с позиции гражданского града критикуется такая черта града вдохновения, как спонтанность, которая является отклонением и подрывает согласованность коллективных действий. Спикер выступает за постепенные преобразования, коллективные размышления вместо стихийных действий. Решением проблемы «неорганизованного запроса» к власти со стороны населения, по мнению спикера, могут выступить коллективные институты — *территориально-общественные самоуправления*, которые бы формулировали претензии по поводу действий городской администрации. Мы видим, что в выступлении соединились объекты гражданского града (прецедент, население, правовое поле, акция, источник власти, территориально-общественные самоуправления) с универсальным принципом определения справедливости научно-технического града (эффективность и организованность процесса).

Пассивность и равнодушие граждан как источник упадка гражданского града была отмечена и другими участниками мероприятия. Как и первый спикер, многие отмечают слабость или отсутствие гражданского общества, которое больше представляет *«аморфную толпу»* без четко сформулированного запроса и способности к действию. «Если мы хотим говорить о себе как о гражданах, не как о населении, не как о толпе, мы должны принимать участие в этих процессах с самого их начала», — говорит второй спикер. Отмечают также, что для настоящего гражданского общества необходимы *включенность* в политический процесс и постоянное *внимание* к общезначимым проблемам, а не «вялая дискуссия в Интернете» и *стихийные всплески недовольства*: «В *приличном обществе* люди не роняют заборы». Один из спикеров сформулировал предположение о том, что хорошо устроенный и налаженный административный аппарат в принципе предупредил

бы все митинги. Тезис вторит концепции А. Сен-Симона об устройстве общества: «А может, рациональнее не создавать таких ситуаций, которые позволяли бы людям выходить на улицы? Мы могли бы в принципе просто наладить все. Наладить весь *механизм*». Другие спикеры видели проблему в том, что *интерес* со стороны общества к проблеме выбора места для строительства храма возник очень поздно: «Инцидент со сквером показателен еще тем, что на самом деле эта ситуация долго продолжалась... но никто этим не интересовался».

Один из участников выдвинул свои предположения по поводу факторов, которые повлияли на внимание общественности. Популярность протестных акций, по его мнению, зависит от того, насколько точно сформулирована цель протеста и в какой степени она влияет на удовлетворение личного блага индивида: «Успешный протест складывается из того, что человек получает какой-то *выхлоп*. Особенность ситуации в сквере заключается в том, что здесь была четко сформулирована цель». По мнению спикера, человек выходит на протест только тогда, когда вероятность удовлетворяющего результата выше, чем риск, который индивид берет на себя: «Когда человек идет на какой-то митинг, протест, мне кажется, он учитывает две вещи: некое количество времени, которое он потратит, и вероятность того, что он будет задержан. Это его *издержки*». Издержки и «выхлоп» можно интерпретировать как объекты аргументации на основе рыночного града, в котором особо ценится стремление к решению общезначимых проблем только при условии личного интереса.

Несколько из участников мероприятия указали на значение слов «*власть*» и «*население*», утверждая, что сами спикеры, используя их, находятся в дискурсе, который предполагает эту гражданскую безынициативность: «Очень странно слышать от людей, которые хотят каких-то позитивных изменений в стране, слово “власть”. Будто мы находимся в *Средневековье*». С позиции гражданского града критикуется использование той лексики, которая отражает подчинение патриархальному авторитету. Одна из выступающих критиковала с позиции града вдохновения, отличительной чертой которого является открытость новому и разрушение границ, страх перед изменениями, который характерен для патриархального града. Также она отмечала важность способности формулировать свое мнение и преодолевать стереотипное мышление: «Кто-то боится, что кто-то посмотрит, что кто-то узнает. <...> Не ограничивать, не забивать в себе возможность сказать, выходить на *диалог* и не бояться — наверное, один из таких важных моментов. <...> Необходимо постепенно *убирать границы*, начиная с садика, начиная со школы, с семьи». Мы видим, что здесь формируется компромисс, соединение гражданского и патриархального градов, поскольку прививка демократических ценностей осуществляется за счет воспитания.

Отдельно стоит отметить возражения по поводу выступления спикеров, которые появились у аудитории. Во многом их можно рассмотреть как критику со стороны града вдохновения: «Иногда нужно все-таки делать *резкие движения*». При отсутствии легитимных политических ресурсов, позволяющих определить народ как верховную власть, в граде вдохновения запрос на изменения выливается в агрессивные действия. Эта позиция связана с представлением

о том, что конфликт вышел на уровень решительных действий и интерес общества проснулся именно тогда, когда протестующие повалили забор: «Пришлось долго-долго мирно протестовать, но в конце концов мирное перешло в дерзкое». Компромисс между гражданским градом и градом вдохновения предполагает привлечение объектов из града репутации, а именно привлечение внимания с помощью публичного жеста. Гражданский порядок с этой позиции критикуется, если он принимает форму системы, как в научно-техническом граде, так как бюрократизация успокаивает общественное внимание. В качестве оптимального публичного жеста упоминалась деятельность представителей сферы искусства: «Я считаю, что может быть не насилие, может быть агрессия. Агрессия полезна. *Агрессия природна* и человеку свойственна. Формы агрессии должны быть достаточно светскими. Для этого нужно заниматься *искусством* конечно же». Порождение различных литературных, художественных и музыкальных форм самовыражения многие связывали именно с конфликтными ситуациями, провоцировавшими порыв вдохновения: «*Культурная творческая интеллигенция*, наши поэты и художники все переоформят и переосмыслят, что мы сразу скажем, что это круто».

Для гражданского града наибольшую ценность несет коллективное действие, что также отмечалось в аудитории: «Мы должны показывать, что конечно же есть мы». Кто-то видит проблему в том, что даже на уровне индивидуального сознания люди не могут сформулировать собственное мнение: «В любой момент мы можем стать “мы”, если ты осознаешь “я”, то есть у тебя есть *свое мнение*, ты понимаешь, что ты твердо стоишь на ногах, ты понимаешь, где ты находишься в данный момент. И тогда ты можешь встать на позицию другого, даже если его мнение отличается».

Одна из участниц встречи сделала акцент на том, что ей было важно видеть знакомых в пространстве сквера. Это переводит рассмотрение конфликта в регистр патриархального града, когда аргументы основаны на утверждении ценности личных взаимоотношений. Еще одна девушка высказала мнение, что акции протеста в сквере повлияли на преодоление конфликта ценностей между младшим и старшим поколением: «Появляются какие-то опорные точки, которые как бы сближают нас со старшим *поколением*». Для одной из участниц ценным было приобретение новых знакомств: «Сквер всех объединил, мы там познакомились, нашли новые связи». Многие согласились с тем, что городские и областные СМИ, оперативно распространяя информацию, способствовали умножению числа горизонтальных связей, привлекли большое количество людей, в то время как федеральные СМИ критиковались за пропаганду и манипуляцию общественным мнением. Для некоторых спикеров эффективным результатом является не только собственно принятие определенных решений, но и привлечение внимания бóльшего количества людей: «Главное — *привлечь внимание* тех людей, которые не вышли». Новые знакомства и привлечение внимания в случае митингов или политических акций выступают компромиссом между гражданским градом и градом репутации, — наибольшая известность среди общественности способствует мобилизации гражданского общества. Выражалось недоверие к информации,

поступающей иерархичным путем, то есть критика соединения патриархального и репутационного градов в объекте федеральных СМИ.

Если рост связей среди протестующих оценивался положительно, то неформальные отношения внутри административного аппарата подверглись жесткой критике. Один из спикеров выдвинул тезис о том, что фактически произошло сведение природы конфликта публичного характера к области личных отношений учредителей строительства храма. Смешение различных объектов патриархального и рыночного миров в сфере государственного управления приводит к критике со стороны гражданского града, обличающей намерения получить личную выгоду путем создания союзов, основанных на личных отношениях между людьми, которых должны были бы связывать только уважение к закону и работа над общезначимыми проблемами: «Я бы назвал эту ситуацию издержками нынешней системы. Издержки нашего государственного строя, который строится прежде всего на *неформальных отношениях*».

По поводу ценностных установок как учредителей строительства храма, так и протестующих в сквере высказывались различные точки зрения. Кто-то видел проблему в принципиальной разнице в отношении к миру между данными группами: «Тот, кто нами управляет, имеет отличную *систему ценностей* от людей, которые живут в этом городе. <...> Этот конфликт — визуальная точка двух параллельных *мировоззрений*». Кто-то, наоборот, указывал на парадоксальность того, что мотивация и ценности схожи, просто у одной части населения средств для того, чтобы свободно реализовывать свои амбиции больше, чем у другой части. Кто-то определял универсальные ценности, которые в равной степени важны для всех, например, экологические: «Есть ценности, которые не купишь». Кто-то выделял проблему отсутствия представительства: «Мы видим, что молодежь своих *представителей* не знает».

Выводы. Конфликт на территории сквера в Екатеринбурге сам по себе явился объектом споров и обсуждений в публичной сфере гражданского общества. И поэтому ожидаемо конфликт в основном рассматривался в дискурсе гражданского града. Однако мы видим, что в своей аргументации участники открытого микрофона привлекали также объекты других миров, которые создавали новые формы компромисса гражданского града с другими.

В целом все участники озвучили запрос на изменения как в самом обществе, так и в правительственных структурах. И в той и в другой сфере критике подвергаются корысть и личный интерес. Во многом проблему видят в ориентации сознания людей на удовлетворение только личной выгоды и равнодушие по отношению к общезначимым проблемам. Практически каждый спикер упоминал о важности сохранения внимания к политическим и социальным проблемам: «Каждый должен осознать собственный интерес и его взаимосвязь с общими проблемами». Возможно, такая повестка связана именно с тем, что люди проявили интерес и пришли на мероприятие добровольно. Значит, они уже активно проявляют себя в публичной сфере и хотят, чтобы эта активность повышалась у других людей.

Мнения разделились по поводу способов достижения изменений, которые бы оценивались или с точки зрения эффективности, или с точки зрения искренности намерения в отказе от личной выгоды. Кто-то предлагал реформировать саму социальную систему и механизмы власти, как это характерно для научно-технического града. Кто-то указывал на необходимость изменений в сознании людей, что характерно для града вдохновения: «Должна пройти революция не такая, как была в сквере, где мы роняем забор, а *революция сознания*, определенный сдвиг в сознании». Произошло противопоставление того, что относится к области организации, и того, что относится к области воображения, оформленное в виде противопоставления стабильно функционирующего *механизма* и живой системы.

Заключение. Таким образом, с помощью анализа суждений и способности людей на практике связывать моральную аргументацию с теми или иными объектами мы рассмотрели конкретный кейс, недавно произошедший в городе Екатеринбурге. Мы видим, каким образом модели градов Больтански и Тевено образуют формы критики и формы компромиссов, что в аргументации участников открытого микрофона показывает условия достижения «справедливого решения». Возвращаясь к изначальной проблематике — проблематике ценностной иерархии в политическом сознании, мы отмечаем, что методология Больтански и Тевено приводит к принципиально иному видению «нормальной структуры сознания» — как структуры «гибкой» и ситуационно зависимой.

Такое «видение» политического сознания имеет, на взгляд авторов статьи, несколько преимуществ: эта оптика а) остается оптикой нормативной, апеллирующей к благу (ценности, определяющие наше видение мира, не редуцируются в ней к расчету «голого» экономического интереса); б) является чувствительной к контексту, поскольку обоснование этой оптики всегда ситуационно, а предполагаемое разделение градов на «близкие/далекие» (включая границы между градами своих и чужих) при этом оказывается всегда контекстуальным, требующим от говорящего умения «работать с людьми»: говорить в большей степени на языке «мужчин и женщин» (М. Уолцер), нежели на языке философских кабинетов и «канцелярий». Тем не менее нельзя сказать, что подход Болтански и Тевено в целом, а также использованные качественные методы (интервью, транскрибирование) являются универсальным «ключом» к ценностным установкам всех граждан. В конце концов, в событиях мая 2019 г. участвовали далеко не все жители Екатеринбурга. Разумеется, на открытый микрофон пришли также не все из участвовавших в событиях люди, при этом некоторые из пришедших не выступали. Мы полагаем, что центральной задачей дальнейших исследований ценностных предпочтений «молчаливого большинства» будет анализ практик. Люди могут что-то делать или не делать, то есть воздерживаться от действий, даже при возможности эти действия совершить. Действие и бездействие в ситуациях морального выбора, как кажется авторам, будет еще более «ярким» сигналом наличия ценностных установок, но и потребует очередной перенастройки методологического аппарата, используемого в такого рода исследованиях.

1. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М., 2013.

2. *Валлерстайн И.* После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., 2003.

3. *Дюверже М.* Политические партии. М., 2002.

4. *Логинов А. В., Руденкин Д. В., Данилова А. В.* Трансформация идеологических систем // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 87–102.

5. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартьянова, Л. Г. Фишмана. М., 2016.

6. *Руденкин Д. В., Логинов А. В.* Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? // Социол. обозрение. 2018. № 3. С. 220–243.

7. Теоретический семинар ИФиП УрО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://yearbook.uran.ru/gosti-zhurnala/985-teoreticheskij-seminar-13-noyabrya-2019-g (дата обращения: 21.11.2019).

8. *Seliger M.* Ideology and Politics. L., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 29 ноября 2019 г.

УДК 172 + 321.01 + 316.3 + 124.5

А. Е. Якимов
К. П. Худорожков

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: ЛИБЕРАЛИЗМ И КОММУНИТАРИЗМ*

В статье приводятся анализ и описание различных определений понятия «гражданственность». Рассматриваются особенности его трактовки. Обосновывается гипотеза, что в основании концепции гражданственности находится набор базовых ценностей той или иной политической теории. Базовые ценности определяют практики гражданственности. В статье приводится описание гражданственности как вовлеченности, гражданственности как заботы об общественном благе и гражданственности как взаимопомощи. Опираясь на работы представителей либеральной политической теории (Дж. Ст. Милль, Дж. Роулз) и представителей политической теории коммунитаризма (М. Сэндел, А. Этциони и А. Макиантайра), авторы описывают концепции гражданственности, свойственные данным теориям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданственность, либерализм, коммунитаризм ценности, политическая теория, аксиология.

Понятия «гражданство» и «гражданин» занимают важное место в нормативных политических теориях (как, например, различные направления либеральной мысли), поскольку во многом их содержание определяет пути оправдания/обоснования необходимости государства как института с этической, ценностной, экономической, социальной точек зрения а также обоснование стратегий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33012.

© Якимов А. Е., Худорожков К. П., 2019